

ЮВЕИЛЬ И ТЮВЕИЛЬ
ЮВЕИЛЬ И ТЮВЕИЛЬ

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ альманах

№ 3

2020

И ТЮВЕИЛЬ И ТЮВЕИЛЬ
И ТЮВЕИЛЬ И ТЮВЕИЛЬ

ЮВЕИЛЬ И ТЮВЕИЛЬ
ЮВЕИЛЬ И ТЮВЕИЛЬ

Литтературный альманах

№ III - 2020

Содержание

К читателям	1
ПОЭЗИЯ	
Екатерина Гордеева	3
Анна Малянова	4
Вероника Мишина	5
ПРОЗА	
Кирилл Преображенский	7
Зоя Баданина	15
Мария Добротина	16
ВНЕ ЖАНРОВ	
Татьяна Цивинская	21
Дарья Колокольцева	22
Для связи	25

Дорогие читатели!

Перед вами третий номер «Литтературного* альманаха» Гильдии словесников. Он составлен из стихов, прозы и статей, написанных школьниками разного возраста, но все эти произведения, по мнению рецензентов, достойны внимания самых требовательных читателей.

Мы благодарим учителей, приславших столько хороших текстов, и надеемся, что публикации этого выпуска покажутся интересными и подтолкнут кого-то еще из школьников к литературному творчеству. Мы почти уверены, что через несколько лет произведения наших авторов будут напечатаны на страницах «взрослых» литературных изданий.

Распространять «Литературный альманах» можно бесплатно и свободно в виде PDF-файла. Конечно же, для авторов будет подготовлена и бумажная версия, которую напечатаем небольшим тиражом. Все расходы, связанные с изданием, обеспечиваются из средств Президентского гранта, полученного Гильдией Словесников.

* Две буквы «т» в названии нашего альманаха не случайны. Именно так, с удвоением в этом слове, печатался «СОВРЕМЕННОСТЬ», литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным». Все тексты этого журнала отличало прежде всего высокое художественное качество; таким будет принцип отбора произведений и для нашего альманаха.

ПОЭЗИЯ

Екатерина Гордеева

Москва, Свято-Димитриевская школа

Мне весело и грустно в одно время,
Я пью ямайский ром, мешая с чаем.
В часах на полке шестерёнок племя -
Давай-ка их на полночь напугаем!

Давай горланить песни, чтоб соседи
Стучали в пол и в стены в гневе правом!
В ответ мы зарычим - как бы медведи -
И улетим на змее на трёхглавом!

Давай мы разисуем наши лица
И выбежим так босиком по снегу!
Темнеет Йорика запавшая глазница -
Дадим ему в зашкафьиче ночлега!

Давай любить и расставаться, жить.
По сигарете скрутим из тетрадки,
И будем вместе в небеса дымить,
И строить о грядущих днях догадки...

Анна Малянова

Москва, школа № 2098 им. Л.М. Доватора

Выхожу из квартиры, окунаюсь в прозрачный вечер,
Отправляюсь гулять – расплетать лабиринт сомнений,
Исчезать понемногу, растворяясь в провалах тени,
Если мне повезет, то я никого не встречу.

И мне не придется использовать эти коды
Из различных слов и их вежливых сочетаний.
Все равно все попытки описания чувств словами -
Кончатся ложью приемлемо чистой пробы.

Слово слишком статично, неизменны его границы,
Оно вяжет во рту, как плоды молодой рябины,
Оно существует и, значит, необратимо
Делает чувства всего лишь лексической единицей.

Все мы увязли в тугой паутине речи,
Вписались в ее беспощадную аксиому,
И любой неживой предмет, не способный к слову,
В своем молчании более человечен.

Тишина идеальна, поскольку она не может
Быть посредником зависти, злобы, обиды, фальши,
Поскольку ее не волнует, что будет дальше,
Безвозвратность прошедшего также ее не гложет.

Тишина не способна ни тронуть, ни изувечить:
Оставляя финал открытым, она корректна
И является всем, не являясь ничем конкретным,
Что выгодно отличает ее от речи.

Вечер повис, как тряпки на манекене,
Наконец-то утратив световую свою основу...
Разговор неуместен, поскольку любое слово
Не просто вторично, а бывшее в употреблении.

Вероника Мишина

Москва, 179 школа

Мальчик из тех, кто «кожа да кости», мальчик всегда один,
в глазах у мальчика яркие звезды,
вены, как тысячи льдин.

Мальчик мечтает стать не пожарным, не полицейским, не даже врачом,
ему все твердят: «На себя лишь надейся, тогда тебе все нипочем».

Вы не найдете книг и тетрадей в комнате рядом с крышей,
только гитара, костюм астронавта, сонник и бегают мелкие мыши;
мальчик сидит и смотрит на небо, мальчик уже не здесь,
он улетает к далекой планете, каждую ночь, без остатка, весь;
мальчик не хочет жить на планете с названием серым «Земля»,
он днями искал во всем интернете, как стать космонавтом с нуля.

Мальчик выучил астрофизику, мальчик теперь «горка мышц»,
казалось, что цель у ворот, близко,
мальчик, ну что ты дрожишь?

Льдины застыли в реках холодных,

мышы бегут с корабля;

тот, кто не смог, из непригодных,

кому не стоять у руля,

не бороздить океаны галактик и не увидеть комет;

слеза на фарфоровой коже мальчика оставила влажный след.

В бумажке написано черным на белом: «Не годен», но кто так решил?

Мальчик бредет к своей родной крыше, он там, только там жил.

Как быть, когда в сердце как будто гвозди мешают всему, что любил?

Вот небо ночное, ярчайшие грозди под светом слабым луны,

он также сидит,

но в глазах мальчика звезды уже не видны.

ПРОЗА

Кирилл Преображенский

Новосибирск, гимназия № 11 “Гармония”

Красный мяч

Посвящается моему прадедушке В.Н. Васеневу
(14.10.1936 - 10.10.2010)

*Старики знают всё обо всех,
Опыт жизни – вот в чём их успех.
Старики жизнь умеют ценить
И в ладу с честью, совестью жить.*

Ираида Мордовина

Мне всегда казалось, что счастливый ребенок тот, кто помимо мамы и папы, бабушки и дедушки, знакомится еще с прабабушкой и с прадедушкой. Вот я именно такой, потому что в моей памяти успел оставить свой след мой прадедушка Владимир Николаевич Васенев.

Я любил наблюдать за ним, вглядываться в его лицо, представляя моего прадедушку молодым мальчишкой. Его смуглое худощавое лицо было покрыто паутинкой глубоких и мелких морщин, но они совершенно не старили прадедушку. На его волнистых, густых, темных волосах лежала изморозь седины. Но самым запоминающимся в лице моего прадедушки были глаза. Они не грустили, когда он грустил, они никогда не злились, когда он злился... Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то васильковым блеском. То был блеск, подобный блеску ослепительного добра.

Однажды прохладным летним вечером мы с прадедушкой сидели на даче возле костра, искры которого летели в разные стороны, жаркие языки согревали нас. А вокруг была таинственная ночь, которая накрыла все природное пространство, овладела им.

И мой прадедушка, может быть, под впечатлением от этого естественного и в то же время сказочного, мистического вечера, начал рассказывать мне о своем детстве...

«В послевоенное время мне было лет тринадцать, как тебе сейчас. Наша небольшая семья: мама, папа, да я – часто переезжала туда, где отец находил работу. Поэтому мое любимое занятие было – обследовать новые места, и все свое свободное время я бродил то тут, то там. Когда мы в очередной раз переехали в почти безлюдное село Седельниково в Омской области, то я, как обычно, пошел исследовать незнакомую мне территорию.

Я помню все, как будто это было вчера, как я гулял по единственной улице села, в конце которой находились пастбище и мельница, как параллельно проходила железнодорожная колея, а за ней виднелся лес и небольшая река со своими притоками. Когда я пересек лес, то наткнулся на высокий длинный каменный забор, который казался мне страшным, пугающим и бесконечным, но почему-то притягивал. Чем ближе я подходил к нему, тем выше он становился, и казалось, что он заглатывает все небо надо мной.

И вот однажды, когда я прогуливался около этого забора, мне сверху упал мяч. Я посмотрел наверх и увидел только стену, подумал, что мне с той стороны кто-то кинул его. Я поднял этот красный пыльный и потертый мяч и кинул его обратно. Потом стал ждать, но мяч не прилетел, и я пошел домой. На следующий день я, как обычно, гулял и увидел тот самый мяч, обрадовался, подхватил его и закинул за стену. Мяч тут же вернулся обратно. Моему счастью не было предела... «Неужели у меня появится новый друг?» - подумал я. Схватил мяч и со всей силой, на которую был способен, кинул его опять за стену. Но тут услышал мамин голос, который меня звал, я погрузился и поплелся домой.

Предстоящий день я встретил с волшебным ощущением чуда, как в новогоднюю ночь в предвкушении открыть что-то таинственное. Встал пораньше, чтобы найти проход в заборе и познакомиться с тем, кто кидает мне мяч. Я шёл в течение долгого времени и уже подумал, что у стены нет конца, что вся эта затея – глупость, как вдруг наткнулся на проход – разлом в стене.

Когда я пролез через отверстие в стене, то увидел остатки взорванного здания. Этот дом был серый, старый, одиноко стоящий на пустыре. Здание щетинилось проводами, железными арматурами, плакало трещинами, осыпалось пыльными частицами и стонало от боли. Этот дом будто медленно умирал, как подбитое животное. А отблески солнечных лучей в разбитых оконных стеклах как последние вздохи, блики памяти, остатки жизни стен этого уничтоженного здания. К нему прижимались обгорелые книжки, грязные игрушки, сломанные стулья, парты, кровати, качели, ржавые мусорные баки...

Вдруг я увидел уже хорошо знакомый мне красный мяч и побежал за ним. Рядом с мячом лежала обугленная фотография, на которой был изображен пожелтевший трехэтажный дом с голым и мрачным фасадом, на фоне которого в ряд стояли дети разного возраста и роста с веселыми лицами, три женщины со строгими взглядами и сдержанными улыбками. А внизу снимка была потертая надпись “Детский дом № 5. 1943 год”»...

Потом мой прадедушка резко замолчал... Его синие глаза вдруг стали громаднейшими, и какая-то странная муть гнездилась на дне его глаз. И я понял, что это страх, — ему нечем было дышать, поэтому ни о чем больше его не спрашивал.

С тех пор мой прадедушка больше не гулял вдоль забора, но это событие произвело на него большое впечатление, поэтому мальчик Вова сохранил этот красный потертый мяч, а мужчина Володя стал учителем младших классов и большую часть своей жизни проработал в детских домах.

После разговора с прадедушкой я задумался о нравственности каждого человека, которая толкает его на выбор между добром и злом, между дружбой и предательством, между совестью и бесчестием... Одни люди принимают решения, которые приводят к войнам и кровопролитию, а другие люди, как мой прадедушка, выбирают будущую профессию в память о погибших детях войны.

Наизнанку

Почему часто пред сном, когда ты лежишь, укрытый темнотой, в голову лезут тебе странные мысли? В чем смысл жизни? Что страшнее: родиться во мраке и ощущать мир через звуки и прикосновения или жить среди цветов и оттенков, форм и очертаний, потом неожиданно оказаться в полной черноте?..

Наконец настал день, когда ему снимут повязку и поставят специальные линзы. Дима поднес руку к глазам и коснулся повязки, под которой слой за слоем лежала вата. Его терпение будет вознаграждено. Дни переходили в недели, а он все лежал после операции дома, томясь от погружающей все в неизвестность тьмы и безнадежности от того, что жизнь проходит мимо него.

Дима слышал каждый день перешептывания родителей с навещавшим его доктором, а потом выслушивал по два-три раза за день заверения от мамы, что все будет хорошо, что будет видеть еще лучше, чем прежде... Но время шло, а определенной даты, когда повязка будет снята, никогда не упоминали. И Дима согласен был ждать. Мальчика не навещали друзья и одноклассники, поэтому только спокойный, приветливый голос мамы, то, как она перекладывала подушку и подносила стакан к губам, легкий запах ее клубничного мыла, - все это внушало доверие и поддерживало Диму в течение стольких тягостных дней.

Днем Димино восприятие как будто притуплялось и все превращалось в тени: появление солнца, запах свежих цветов, накрахмаленное белье. Только ночь приносила утешение из-за осознания того, что все погружено в темноту.

Настал день. Сперва исчезла повязка, затем вата, и врач делал что-то с его глазами. Боли не было. Прикосновения казались холодными, вместо повязки скользнули линзы, как кусочки льда. Дима просто дожидался, когда исчезнет мгла и солнечный день ворвется в его глаза. Мало-помалу туман рассеялся. Первый предмет, который Дима увидел, был шкаф, затем – стул. Потом – повернул голову – постепенно выступили очертания окна, вазы на подоконнике, цветов. Теперь все было в фокусе. Дима наслаждался

формами и очертаниями, цветами и оттенками. Мальчик открыл для себя заново давно потерянный мир. Теперь некуда было спешить. Дима разглядывал свою комнату, задерживаясь на каждой мелочи, ощупывая предметы глазами, как бы смакуя это богатство.

Дима услышал голос мамы за дверью, повернув голову, с улыбкой смотрел, как она входит в комнату со стаканом молока... Но что это? Что за нелепость? На Диму надвигалась... курица вместо женской головы с человеческим телом. Вместо волос был красный листовидный гребень с зубцами, который подрагивал от ходьбы, мелкие черные глазки-бусинки смотрели по-доброму. Крючкообразный клюв начал двигаться, и из него вылетал женский знакомый ласковый мамин голос. Дима не ответил, закрыл глаза, затем снова открыл их. Курица - мама в платье - все еще была в комнате. Дима был растерян, мысли путались: какой-нибудь опыт, связанный с линзами? Это была маска? Но с какой целью? - терялся мальчик. А где же граница между маской и телом?

Мама-курица подошла к окну и резким движением раздернула занавески – комнату залил яркий свет. Мальчик только хотел спросить у мамы об ее лице, как дверь отворилась, и в комнату вошел доктор, Дима узнал его по голосу. Фигура в темном костюме, но голова... Это была голова собаки, уши торчком, острый нос подрагивал, пыливый, острый взгляд, который своего не упустит. Еще минута, и он залает и завилает хвостом, чтобы угодить стоящим в комнате. Дима не выдержал и засмеялся. Это все-таки шутка, решил мальчик. Тем временем собака и курица переглянулись и вышли из комнаты.

Вскоре мальчик погрузился в мирный мрак, но, когда проснулся, у него промелькнула одна мысль. Дима слез с кровати и подошел к зеркалу, из которого на него смотрело собственное лицо. Значит, все же обман и первая догадка насчет масок была правильной, подумал мальчик! Но почему?

Странный день медленно подходил к концу. Дима взял журнал и с радостью увидел, что мужчины и женщины на фотографиях не меняются, их изображения были нормальными, такими, как всегда. Мальчик с беспокойством ждал, когда наступит десять часов. Он надеялся, что с приездом папы все разрешится. Наконец машина

подъехала к дому, Дима слышал, как она замедлила ход, затем хлопнула дверца, и на улице под окном раздался голос папы. Дверь распахнулась, и в проеме возникла знакомая плотная фигура... в надетой на него маске. У папы была голова лошади. На папиной густой гриве были надеты солнечные очки, глаза были большие и как будто улыбались, но все равно лошадиные, ноздри влажные, и стоял он, мерно дыша, как стоит лошадь в своем стойле, сильная, выносливая и грациозная.

Дима почувствовал, что к горлу подступает тошнота, душит его... Лошадь-папа стал приближаться, он хотел поцеловать и обнять сына. Сердце мальчика гулко забилося в груди, его начало трясти от отвращения, Дима почувствовал, что холодеет от страха, его лицо побледнело... Вдруг открылась дверь, и в комнату влетела курица-мама с успокоительным – Димино сознание погрузилось в темноту.

Рано утром Дима очнулся ото сна, тихонько встал, быстро оделся, подошел к дверям, осторожно повернул ручку. В коридоре было тихо, родители еще спали. Дима перешагнул порог комнаты и направился к лестнице. Ни звука. Мальчик прислушался, затаив дыхание, затем крадучись стал спускаться вниз, через дверь вышел на улицу. У подъезда столкнулся с почтальоном, у которого была широкая рыба голова с водянистыми, бесцветными, глупыми глазами. От неожиданности мальчик сломя голову побежал через двор в школу.

В школе его первым делом встретил вахтер с коровьей мордой, у которой шапочка с рюшами лихо сидела на широко расставленных рогах. Дима пошел дальше, прибавив шаг. Он увидел свою подругу детства, соседку, и окликнул ее. Когда она обернулась, то возникла длинная плоская голова, извивающаяся шея, острый раздвоенный язык: он высовывался и молниеносно прятался во рту. Змея.

- Я так рада, что ты наконец пришел в школу, теперь будет кому подсказывать мне на уроках! Пойдем, сейчас как раз история. Я надеюсь, ты прочитал параграф.

Дима не шевелился, думая, как ужасно слышать голос подруги, доносящийся из змеиного рта; одно то, что при каждом звуке ее язык двигался взад и вперед, парализовывало его. Мальчик отвернулся и пошел в другую сторону.

- Слепой он что ли? Еще не прозрел, - фыркнула девочка-змея и раздраженно пошла по коридору.

Мальчик видел проходящих мимо учеников: жабыя голова на приземистом туловище и рядом пантера. В углу стояли и беседовали маленькая разряженная свинка с бабуином. На противоположном конце коридора шел, с хохотом разговаривая по телефону, шакал...

Неожиданно Дима услышал, что его зовут. Это были его лучшие друзья. Но у одного была голова ястреба, приветливый взгляд, кончик клюва в крови, дряблые складки на шее, а у другого - кошачья самодовольная голова с хитрыми зелеными глазами, пушистыми ушами, длинные усы постоянно дергались при разговоре.

- Димон, привет! Ну наконец-то дождались тебя. Теперь будет у кого списывать на контрошках.

Дима решил, что с него хватит, побежал к выходу и наткнулся на девочку, в которую был влюблен с младших классов. Ее голова крысы была вытянутая и заостренная, корыстные глазки бегали, разглядывая Диму, а мокрый маленький носик вздрагивал, когда она начинала говорить.

- О, Дима, я не знала, что ты уже ходишь в школу. Ты дашь мне списать домашнее задание по алгебре? Ты ведь его сделал?

Не обращая внимания, Дима продолжил свой побег, натыкаясь на прохожих - гиен, собак, кошек, кабанов, тигров, белок... Мир принадлежит им, в нем не осталось ни одного человека. Мальчику казалось, что все эти существа указывают на него пальцами, визжат, лают, кидаются за ним следом. Дима бежал, спасаясь от погони. Но тени обступили его, окутали тьмой, свет в глазах потемнел, он был один в зверином мире.

В полусне Дима узнал голоса мамы, папы и доктора, а также почувствовал повязку на глазах.

- Линзы, которые я вчера поставил вашему сыну, давили на крошечный нерв, и это вывело его из равновесия. Но все уже позади. С этими новыми линзами не будет никакой путаницы, - заверял доктор родителей.

Мальчик почувствовал, как опять слой за слоем снимали повязку. Внезапно все залил свет. Был день, мальчику улыбались любимые лица мамы и папы, по которым он так соскучился. Рядом

стоял врач и тоже улыбался. Дима обвел глазами комнату и всех присутствующих. Все было в порядке: и очертания, и цвета, и лица.

Когда все вышли из комнаты, мальчик решил включить ноутбук, проверить почту и соцсети. Дима поднял глаза и в отражении экрана увидел себя, но это был не он, а наивный, безропотный, покорный теленок ...

Зоя Баданина

Опалиховская гимназия

В стекле

Блик света застывает в стекле, и я бы сравнила его с тонкой, ломкой стрекозой, погребенной в драгоценном саркофаге янтаря, если бы искристый, сияющий блик света не было кощунственно сравнивать с обычным насекомым. Вы сидите напротив, и гладкое дерево стола разделяет нас, словно идеально ровное овальное озеро. Хотите еще чаю? Или кофе, быть может? Конфет?

Или, хотите, я предложу вам нечто совсем удивительное? Вы говорите, моим выдумкам нет числа, так отведайте одну из них, точно самое великолепное пирожное. Вот: тончайшие стеклянные стенки изумительно искажают реальность, если взглянуть сквозь них на мир — все переливается, струится, плывет каскадом изогнутых линий. Словно бы нас с вами утопило в густой, ультрамариновой толще воды, которая все сгладила, растушевала и одурманила. Как некоторые не любят острого перца в кофе, так вот и вас я лишу остроты углов. Линии округлы и нежны, как спинка белоснежного французского десерта безе.

(Линии нежны, как мои мысли о вас, только я не могу вам этого сказать, простите).

Вот вам моя выдумка — обыкновенно прибежище душистого чая или кофе, сегодня этот сосуд из тонкого стекла содержит в себе... Комнату, переливающуюся, струящуюся, бархатно-бесподобную. Это напиток для вашего глаза, и, надеюсь, он вам придется по вкусу. Берите же, пейте, а чаю я вам все же налью.

Мария Добротина

Москва, школа 1798 «Феникс»

**И, взвившись, занавес шумел / шумит / будет шуметь
(нужное – подчеркнуть)**

*К тому же мы играем только один раз:
завтра уже дела не поправить.
П. Бомарше*

«Звонок.

Глаза, немного привыкнув к темноте, стали искать источник звука. Разум, недовольно пробурчав что-то, повернулся на другой бок.

Второй звонок.

Она почувствовала, что звук идёт из другой комнаты. Аккуратно, по памяти переступая через вздыхающие половицы, она пыталась угадать, что же это могло быть. Подойдя к окну, остановилась и, словно ожидая застать кого-то врасплох, со смешанным чувством страха и радости отдёргнула занавески. Ничего и никого. Резко опустив ручки вниз, она открыла окно...»

Запах булочек в буфете перекликался с ароматом духов гардеробщицы. Цокот каблучков по полу и шёпот страниц либретто сливались в одну непонятную, но почему-то всем знакомую мелодию.

Заняв свои места в партере, они вспомнили момент прошедшей ночи: она переживала, а он, как всегда, всё подвергал анализу:

- Душа моя, ты вчера ночью открыла окно? Пожалуйста, открывай каждый вечер.

- Конечно, милый... Честно говоря, мне тоже лучше спалось этой ночью.

- Как хорошо, что у меня есть кому открывать окно...»

«Чушь какая... Она – Душа, он – Разум, театр – открытое окно что ли?» - фыркнула Маша и, даже не дочитав рассказ до

конца, крутанула колёсико мышки вниз. Запись какой-то группы «ВКонтакте» взлетела вверх и исчезла с ленты конвейера новостей соцсети. Маша ещё чуть-чуть полистала страницу, но ничего, кроме банального «Подпишись, и тогда через 5 минут твое желание исполнится!» или очередного анекдота не было. Она с разочарованием хотела закрыть окно браузера, но вдруг наткнулась на рекламу курсов театральной студии. «А ещё говорят, что театру немного осталось: кино, телевидение, Интернет заменят всё... Однако занятия бесплатны, курсы всего неделю, в конце – сцены по мотивам «Фигаро». Все равно на каникулах делать нечего, а так хоть с кем-нибудь пообщаюсь или подружусь», - и с этой мыслью Маша стала собираться на первое занятие.

- Дима! – мама вихрем влетела в комнату и стала тормозить засевавшего у компьютера сына. – Я достала нам билеты в театр!

- Ммм... - на автомате выдал мальчик, целясь в очередного монстра.

- Спектакль, правда, какой-то неизвестной студии, но это не главное же, да? – с надеждой то ли спрашивала, то ли утверждала мама. – В общем, через два часа будь готов. И открой окно, наконец, душно же невозможно!

Мама вышла из комнаты, предварительно напомнив одеться прилично, а не «в свои дурацкие джинсы». Подросток же, чтобы хоть как-то отвлечься от обидного проигрыша (там нечестно, он подошёл сзади, тут заглянула мышка!), открыл «ВКонтакте», но, начав читать какой-то бредовый рассказ про окно, ночной звон и вздыхающие половицы (это насмешило его больше всего – ещё бы про «дышащие» и «говорящие» написали!), закрыл вкладку и решил взять реванш над этим чудищем из игры.

Звонок.

Маша шла, нет, бежала, по коридорам театра, пытаясь как можно быстрее найти выход за кулисы и заглушить поедающий её внутри страх. Пахло чем-то вкусным, то ли булочками из

театрального кафе, то ли духами из гардероба, и она поймала себя на мысли, что что-то такое уже было. «Ну конечно, - усмехнулась девочка, – если последнюю ночь только об этом и думать, то будет казаться, что ты все это уже видел».

Сквозь театральный шум, где перемешались шелест программки и поток шагов, подросток пытался позвать маму, которая болтала с такой же заядлой театралкой, как и она, обсуждая, как будет решена сцена свидания.

Второй звонок.

Маша (хотя сегодня она вовсе не Маша, она - Сюзанна) аккуратно приоткрыла занавес и, как шпион, оглядела зал: аншлаги. «Больной скорее жив, чем мёртв», - нервно хихикнула Маша.

Наконец мама с сыном уселись на свои места, и мальчик даже поинтересовался, какие актёры играют и что это за женщина, с которой мама так мило беседовала.

Всё ещё думая о тактике игры, подросток уселся поудобнее и неожиданно поймал себя на мысли, что испытывает дежавю. В зале все стихло, прозвучал...

Третий звонок.

Занавес дёрнулся и чинно уплыл в стороны. Он рассмеялся и понял, что открывается окно.

- К новостям культуры. Сегодня, 28 марта 2076 года, закрылся последний театр в Москве. Эта идея поддержана многочисленными митингами. Вскоре программа детеатрализации пройдёт во всех городах России, так как спектакли не пользуются спросом, залы не заполняются даже в дни показа премьер, а расходы на поддержку развития театров негативно влияют на экономику страны. Об этом наш следующий сюжет.

Телеведущая улыбнулась так, будто хотела, чтобы все пересчитали ее идеальные 32 зуба, и пенсионерка с ухмылкой моргнула, чтобы выключить телевизор. Шаркающими шажками (хотя могла просто телепортироваться) Мария Дмитриевна прошла на кухню. С трудом вспомнив название препарата, она сказала его вслух, сжала и разжала кулак, и в ладони тут же оказалось нужное

ей успокоительное. Женщина стояла на кухне и смотрела в окно, на небо: тучи окружали солнце, словно полицейские преступника, а оно изо всех сил пыталось просочиться сквозь плотное кольцо. Вдруг голосовой звонок произнёс: «У вас гость, внучка Людочка. Идентификация прошла успешно», и старушка поспешила к двери.

- Сова, открывай, медведь пришел! – Люда занималась в историческом кружке, где ребята изучали культуру и искусство прошлого, XX века: фильмы, картины, музеи, поэтому девочка часто использовала прецедентные тексты. – Как поживаешь? Что интересенького?

- Ой, да помаленьку. Ты проходи на кухню, я сейчас чай с пирожками сделаю. Бабушка, как полководец, раздавала указания роботам-помощникам: поставить чайник, накрыть на стол, а девочка тем временем радостно трещала про события в школе, но заметила, что бабушка чем-то расстроена. Внучка стала аккуратно расспрашивать, и Мария Дмитриевна сдалась:

- Ох, Люда, закрыли последний театр в Москве. Понимаешь? Это как же так?.. Я помню своё первое выступление на сцене. Занавес как окно в мир, и ты открываешь этот мир снова и снова...

- Бабуль, но может, оно и не страшно? Построят на месте театра пункт телепортации – тебе же удобнее будет к нам в гости добираться. А то ты все на метро, по старинке...

- Ты что, Люда! – актриса и театралка от негодования вскочила, села, еще раз вскочила и, глотая ртом воздух, зашагала по кухне. – Вот уж бы никогда не подумала, что моя внучка будет говорить о театрах, как о каком-то устаревшем механизме!

- Да ты всегда так! Мир развивается, а с вашими театрами мы стоим на месте! – взорвалась девочка и, вскочив и на ходу натягивая куртку, выскочила за дверь.

Неделю спустя, получив на кружке задание собрать материал по теме «Дневники», она нашла старую тетрадь бабушки...

«2019 год, 28 марта

Глаза, немного привыкнув к темноте, стали искать источник звука. Разум, недовольно пробурчав что-то, перевернулся на другой

бок и натянул одеяло, накрывшись с головой...

Третий звонок...»

Люда села и на автомате посмотрела в окно. Какое-то время солнце только полосками показывалось на затянутом облаками небе. Она вспомнила о бабушке и решила помириться. Было видно, что Мария Дмитриевна ещё обижена на внучку.

- Бабуль, ну прости. Я зря так сказала, правда. Я нашла голограмму записи «Фигаро» в Ленкоме. Круто они начинают с «выстрела» бутылки шампанского, это же намёк на цитату из произведения «Моцарт и Сальери»! Включай!

Люда смотрела на бабушку, понимая, что и Разуму, и Душе каждого человека необходим глоток свежего воздуха, которого так не хватает в загазованной рутинной жизни.

Итак, третий звонок! Занавес!

ВНЕ ЖАНРОВ

Татьяна Цивинская

Новосибирск, Образовательный центр “Горностай”

Что я думаю о Печорине?
Рождаемся, умираем,
Любим и ненавидим,
Старое узнавая,
Новое что-то видим –
Живем. Мечтая о чуде,
Решаем проблемы поштучно.
А что с Печориным, люди?
Печорину вечно скучно.
Любовь, например, не сгущенка,
Про нее ты не скажешь «густо»,
Ей не заполнишь пустое –
Сердце Печорина пусто.
Ну, он считает, что пусто,
Но мы-то помним о Вере.
А значит, оно наполнено
Хотя бы в какой-то мере...
Получить от науки желанное
Печорин оставил надежду,
Ведь «слава – добыча ловких,
А счастье дается невеждам».
Затем месяц чеченские пули
Его развлекали старательно.
Но привычное – это нормальное,
А нормальное не увлекательно.
Любовь знатной дикарки –
Все Печорину надоедало.
Мне не нравится он, но жаль его,
Потому что ему все мало...
Мы живем. Мечтая о чуде,
Мы решаем проблемы поштучно.
Что с несчастным Печориным, люди?
Ах, Печорину вечно скучно.

Дарья Колокольцева

Губернаторский многопрофильный лицей-интернат для одаренных детей Оренбуржья

Писательство – не ремесло и не занятие.

Писательство – призвание

130 лет Борису Леонидовичу Пастернаку

*Мы дождя со страницы не ждали,
мы ждали стихов о дожде.*

*Поэтому мы говорим:
«Это не дождь!» и «Это не стихи!».
Дождь забарабанил прямо по нас.*

М. Цветаева о Б. Пастернаке.

Изначально здесь должно было быть нечто иное. Нечто необычное, неявное, необъятное до выси, погружающее и тонущее. Большие слова о большом Поэте. Но все слова о нем, все сказанные, несказанные, услышанные им или навеки уснувшие со сказителями, все, что были и еще будут сказаны после него, – лишь попытки сосчитать просыпанную соль. И счетоводы-то у нас опытные, и счетные машины у них вроде исправны, только не одно еще столетие пройдет, прежде чем человечество раскроет все грани его поэзии, разгадает все ее загадки, полностью проникнется ее чудом. Так было и остается с Пушкиным, Лермонтовым, Блоком. Так было и есть с Пастернаком. Не скрою, я робею писать о нем. Вдруг мое мнение не будет ладиться с мнением уважаемого литературоведа, критика, другого писателя? Но что-то толкнуло это отместить. Пастернак для каждого «свой», потому что у каждого человека свое сердце. Вот мое «нечто иное» и вышло письмом к «моему» Пастернаку.

Борис Леонидович, здравствуйте!

Около меня Ваша книга, передо мной пустой белый лист, а в распоряжении – простор родного языка. Когда Вы писали, пред Вами в самом начале всякий раз тоже лежал пустой лист. Наверное, этот бытовой, человеческий факт немного стушевывает робость моих рук, которые до его понимания и вовсе боялись выводить буквы. Вы заносили руку над листом, потому что Вашу душу надрывала поэзия, я заношу ее, потому что моей душой овладело одно сильнейшее желание – сказать Вам спасибо. За слов небережение, сердца своего, жизни своей, себя. Прятать слова в блокнот-котомку, скупно отдавая их лишь в самой нужде, беречь силы для лучшего часа, лучшего текста, лучшей жизни – ведь это не про Вас, не о Вас сказано, Борис Леонидович. Вы не прячетесь, не кроетесь, не вихляете, не лжете. Ни сердцу, ни поэзии, ни себе. Простудив горло, лечите его не сладким сиропом из шишек, а едкой закалкой. Разбег, неистовство, дыхание, высь – Ваши слова (слово «Ваши» пишу с непрекращающимся трепетом рук, пальцев, сердца). Они заражают, оживляют, будят стихией. Спасибо.

«Не для накопления, а для растраты». Ваша жизнь случилась по фразе, что однажды сказала Вам Марина Ивановна. Вы не были, Вы жили. Вы живете. Горечь в Ваших стихах действительно горечь, слезы действительно слезы, закат более всамделишный и верный, чем тот, что исподлобья глядит на меня с фотографий. Мне кажется, что Вы описываете не столько то, что видите, а сколько то, что чувствуете. Или чувствуете этот мир взглядом. Нет, не взглядом. Слухом, обонянием, кожей? Нет, не то, не про Вас, не о Вас... Сердцем! Ваши горечь, слезы, закаты, зори, жизнь Ваша – все через сердце прочувствованное, без пощады для сердца, все через сердце пережитое, все – на бумаге. По-цветаевски. Один отвод - тетрадь. Спасибо. В Ваших стихах – жизнь. Бесстрашие пред ней, верность жизни, любовь к ней. Спасибо за это.

Моя робость все быстрее и быстрее растворяется, когда я осознаю – мы давно, не только сейчас говорим с Вами. С самого начала, с самого первого стихотворения Вашего пера – началось знакомство. Нет, не когда нам прочел его учитель в строгих стенах школьного кабинета и строчки бусинами посыпались вокруг меня,

оглушительно звеня и дразня тем, что не могу поймать. Нет, не это. Разговор начался, когда сидела на полу в маминной комнате, а «зимний день в сквозном проеме незадернутых гардин» был увиден мною через февральские сумерки. Не потому, что картина совпала, совсем нет. Гардин у мамы в комнате никогда не было. Я не глазами увидела, я сердцем. Почувствовала и этот сквозной проем, и крыши по уши в снегу за окном, и что дома никого нет. Вы понимаете, да? Конечно, Вы меня понимаете. Сквозной проем не прошел сквозь мое сердце, а остался в нем, уча чувствовать не боясь, жить, не страхуя себя. Спасибо, Борис Леонидович. За то, что жили, что живете в своих книгах, за то, что жили не ремеслом – призванием. Спасибо.

Читаю Ваши книги,
Даша.

Для связи

В 2020 году вышло три номера «Литературного альманаха». Мы будем рады, если наши читатели поделятся своими впечатлениями от опубликованных произведений, а также пришлют замечания, которые обязательно будут учтены при подготовке следующих выпусков. Мы надеемся, что в очередных номерах появится раздел рецензий: авторам очень важно увидеть, как воспринимаются их тексты.

В «портфеле редакции» есть еще материалы на один зимний номер 2021 года, так что мы продолжаем принимать стихи, рассказы и статьи в надежде на интересные тексты, для которых всегда найдется место.

Уважаемые учителя, пожалуйста, не забудьте отправить ссылки на номера «Альманаха» своим ученикам!

Наш адрес - almanah@slovesnik.org.

Рецензенты -
А.П. Власова-Мрдуляш,
Н.А. Ладохина,
А.А. Скулачев.

Составитель - Б.А. Панов.

